

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Новости русской и иностранной богословской литературы

Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 5. С. 857-872.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Реальная энциклопедія для протестантскаго богословія и церкви въ 3-мъ изд. подъ редакцію А. Гаука. IV—VII томы Лейпцигъ 1898—1899 ¹⁾).

По поводу первыхъ трехъ томовъ третьяго изданія этой Энциклопедіи, извѣстной больше по имени перваго ея редактора покойнаго проф. Герцога, мы уже давали общую характеристику (въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1898 г., № 2, стрн. 296—299). Съ тѣхъ поръ къ концу истекшаго 1899 г. новые четыре тома прибавили много цѣннаго матеріала (IV, стрн. 1—812: Arnold Christiani—Dorothea; V, стрн. 1—800: Dositheos—Felddiakonie; VI, стрн. 1—808: Feldgeistler—Gott; VII, 1—804: Gottesdienst—Hess), но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо отчетливѣе выясняется и типическая фізіономія всего предпріятія. И нужно сказать прямо, что это впечатлѣніе много благоприятнѣе прежняго.

Здѣсь напередъ необходимо взять соответствующій масштабъ. Всякая Энциклопедія должна быть суммарнымъ обобщеніемъ достигнутыхъ успѣховъ и потому—идеально—предполагаетъ солидное богатство свѣжихъ данныхъ. Наряду съ этимъ подобное объединеніе требуетъ лицъ высокой компетенціи и широкой освѣдомленности, чтобы рефератъ былъ отчетомъ господина дѣла, чтобы онъ исчерпывалъ всѣ стороны, въ самомъ обзорѣи давалъ объективно-историческую оцѣнку и открывалъ дальнѣйшіе просвѣты. Разумѣется, этой пробы не выдержать удовлетворительно настоящая Энциклопедія, потому что еще далеко до подсчета научнаго роста, а работники не только не всегда выше своего предмета, но и не вездѣ идутъ въ ровень съ нимъ. Однако прак-

¹⁾ Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, in dritter Aufl. herausg. von Prof. D. Alb. Hauck. IV.—VII Bde, Leipzig J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.

тически *summum jus* неизмѣнно бываетъ *summa injuria*, и мы не должны забывать ни о потребностяхъ, ни о возможностяхъ ограниченнаго ума: съ постепеннымъ прогрессомъ область научнаго знанія расширяется и выдвигаетъ новые вопросы, намѣчаетъ оригинальныя задачи, обязывая ко всеобъемлющей эруденціи, въ совершенствѣ ни для кого не доступной и непосильной. Тутъ хорошее справочное пособіе избавляетъ отъ напрасной траты энергіи и, освобождая ее для движенія впередъ, фактически помогаетъ научному развитію. Этой мѣркѣ Гауковская Энциклопедія удовлетворяетъ въ достаточной степени. Сотрудниками и теперь являются не всегда перворазрядные ученые, но все же это авторы опытные, освѣдомленные и—въ общемъ—безпристрастные, хотя въ частностяхъ для нихъ умѣстенъ судъ и даже осужденіе.

Больше недоумѣній возникаетъ насчетъ всеобъемлемости и объективности. Въ этомъ отношеніи прежде всего бросается въ глаза чрезмѣрное обиліе мѣстно-конфессіональнаго матеріала, важнаго лишь для специально-протестантской исторіи. Въ этомъ случаѣ защитой изданія служить самое заглавіе, но оно вовсе не опредѣляетъ, чтò можетъ и должно быть интересно для протестантства внѣ протестанства (нѣмецкаго)? Отвѣтъ на это получается неравномѣрный, и если остальной Западъ находитъ о себѣ довольно свѣдѣній, то для Востока оказывается совсѣмъ обратное. Лучше посчастливилось православной греческой церкви въ статьяхъ свѣдущаго въ этой области Ph. Meuser'a, но степень интереса къ православному укладу прискорбно характеризуется тѣмъ, что терминъ „ектенія“ поясняется не въ текстѣ, а въ указателѣ на 1½ строчкахъ колонны (т. V, стрн. 796a)... Что касается русской церковной исторіи, то для нея, кажется, все ограничивается кратчайшимъ (въ три строчки) упоминаніемъ А. д. Гарнака (къ сожалѣнію, столь мало участвующаго въ настоящемъ изданіи) о св. Еленѣ-Ольгѣ (т. VII, стрн. 616). Для славянства, вообще, выгодно отличается статья о свв. Кириллѣ и Меодіи Н. Бонвеча (т. IV, стрн. 384—389), который по переселеніи изъ Юрьева (Дерпта) въ Гёттингенъ вывезъ изъ родины прекрасный даръ знанія русско-славянскаго языка и, пользуясь имъ для научныхъ цѣлей (напр., для славянскаго текста книги Еноха, опущеннаго даже въ специальной русской работѣ и оцѣненнаго по достоинству—увы!—только въ Англии и Германіи), называетъ обширную русскую литературу, хотя она далеко не полна и хотя Бильбасовъ превращенъ въ *Binhasov'a*. Ближайшая причина этой скудости, конечно, кроется въ несподручности для западныхъ писателей нашихъ русскихъ источниковъ и пособій. Русскіе отсюда не теряютъ ровно ничего и не имѣли бы причинъ сожалѣть объ этомъ, еслибы здѣсь не проглядывало принципиальное убѣжденіе крайне прискорбнаго свойства. Русский языкъ не чета китайскому и легко уступаетъ нѣмецкому

упорству, которое и проявляет себя счастливыми успѣхами въ желательныхъ случаяхъ. Разъ же въ нашемъ примѣрѣ подобнаго усердія не замѣчается, то этимъ выразительно подчеркивается, что не считаютъ нужнымъ затрачивать даже малую долю подготовительнаго труда. Дальше вытекаетъ, что для протестантства не представляютъ достаточнаго интереса ни русская православная церковь, ни русская богословская наука, а это уже фактъ величайшей важности, будемъ ли мы объяснять его невѣдѣніемъ о предметѣ малоизвѣстномъ или осмысленнымъ пренебреженіемъ къ познанному, но не признанному... Посему-то и для насъ лично дорого старокатоличество, приучающее и приобщающее Западъ къ русскому православію, хотя бы мы и не возлагали большой надежды на это движеніе.

Такимъ образомъ матеріаль Энциклопедіи нельзя назвать всеисчерпывающимъ. Однако и за этими изытіями остается огромный запасъ нейтральныхъ статей, которыя окупаютъ собою излишество конфессіональныхъ и не подавляются послѣдними. Въ этомъ отношеніи нѣмецкое предпріятіе благоприятно отличается отъ французско-католическаго Словаря Вакана (см. о немъ въ „Христ. Чтеніи“ 1900 г., № 1, стр. 158—159), гдѣ католическая стихія все поглощаетъ и пропитываетъ собою, а сообщенія (лишеннаго кандидатства богословія и священства и потому ложно называемаго „*pretre russe*“) Н. Толстого о русской церкви касаются разныхъ пустяковъ и словно бы намѣренно игнорируютъ важное.

Ничего такого нѣтъ въ нѣмецкомъ изданіи, и объ немъ нужно знать еще только одно, не царитъ ли тутъ конфессіональная либо школьная тенденціозность? Вопросъ этотъ для оцѣнки и надлежащаго пользованія протестантско-нѣмецкими трудами имѣетъ самую серьезную важность, которая не вопль ясно рисуется для русскаго убѣжденія. У насъ привыкли думать и говорить, будто среди (нѣмецкаго) протестантизма процвѣтаетъ благословенная свобода, которая тѣмъ выше, чѣмъ страшнѣе деспотическій гнетъ католической нетерпимости. Въ дѣйствительности все это оказывается почти совершеннымъ миражемъ, если не считать свободою увольненіе мысли отъ всякаго приличія и произволь на всякій вздоръ... Внимательный наблюдатель съ горечью убѣждается въ печальной истинѣ, что фѣрула ограниченнаго разума всегда ужаснѣе и злѣе... Протестантское богословіе раздробилось на частныя партіи, въ видѣ школъ и направленій, при чемъ кружковыя тенденціи почитаются обязательнѣе всякихъ символовъ вѣры, и если послѣдніе можно отвергать невозбранно и даже съ восхищеніемъ славы человѣческой (какъ это было и продолжается касательно апостольскаго символа), то первыя требуютъ безусловнаго преклоненія. Поэтому для большинства нѣмецкихъ теологовъ достаточно знать цвѣтъ шерсти, чтобы догадаться, что именно онъ

проповѣдуетъ въ своей книгѣ по существеннымъ пунктамъ и что проречетъ въ будущемъ. Всякое уклоненіе отъ школьныхъ каноновъ казнится съ жестокою неумолимостію, подавляющею свободные порывы собственнаго сужденія. Злая насмѣшка, самое паскудное издѣвательство и обструкціонное замалчиваніе по образцу еврейскаго херема—все пускается въ ходъ, чтобы уничтожить смѣльчака и устранить его труды изъ научнаго оборота. Отсюда же объясняется и то обстоятельство, что видные богословскіе авторы, высказавшись однажды, повторяются потомъ съ удручающею монотонностію; примѣръ этому мы видимъ, напр., въ берлинскомъ профессорѣ О. Pflieger'ѣ, который обнаруживаетъ такое созвучіе въ трехъ своихъ сочиненіяхъ (*Das Urchristenthum*, *Der Paulinismus* и *Lectures on the Influence of the Apostle Paul on the Development of Christianity*), что какъ будто послѣдовательно списываетъ у самого себя. Бываютъ и исключенія, но они количественно ограничиваются немногими избранниками, а качественно исчерпываются мелочами и иногда производятъ впечатлѣніе капризнаго баловства; иллюстрацію этому находимъ въ самомъ даровитомъ, продуктивномъ и многостороннемъ богословѣ протестантскаго Запада профессорѣ Адольфѣ Гарнакѣ, который недавно (въ первой книжкѣ за 1900 г. новаго журнала „*Zeitschrift für das neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums*“, herausg. von Dr. Erwin Preuschen) свою талантливую статью о посланіи къ Евреямъ закончилъ гипотезой, что писателемъ его была женщина и это была Приска (Прискилла), супруга Акилы, принимавшаго второстепенное участіе... Всюду чувствуется удушающая атмосфера, гдѣ особенно доминируютъ произволь и варварство съ равнымъ покушеніемъ на духовную самобытность совѣстливой пытливости индивидуальнаго разума...

При отмѣченныхъ условіяхъ не приходится ждать отъ протестантской Энциклопедіи необычайнаго объективизма. Необходимо довольствоваться малымъ, и съ этой стороны изданіе почти удовлетворительно. Въ немъ главенствуетъ умѣренное настроеніе прогрессивнаго ортодоксализма, избѣгающаго рѣзкихъ крайностей, но и желающаго быть всѣмъ вся. Поэтому открывается мѣсто представителямъ всѣхъ школъ со смягченіемъ ихъ типической остроты. Свободной критикѣ больше всего дано простора по отношенію къ Ветхому Завѣту въ статьяхъ авторитетнаго гёттингенскаго профессора графа W. W. Baudissin'a—преимущественно—по сравнительному истолкованію ветхозавѣтной религіи (о драконѣ вавилонскомъ и Едомѣ: V, 3—12. 162—171; о „полевыхъ духахъ“: VI, 1—23; о священныхъ рощахъ у евреевъ: VI, 348—351); ровнѣе, хотя часто слабѣе и менѣе богаты, работы W. Lotz'a (о десятословіи: IV, 559—564 и ефодѣ: V, 402—406), R. Kittel'я (объ элогимъ и святости Божіей въ В. З.:

V, 316—319. VII, 566—573), v. Orelli (объ огненномъ и облачномъ столпѣ: VI, 60—62, Гогъ и Магоръ: VI, 761—763) и F. Buhl'я (о молитвѣ въ В. З.: VI, 393—394). Хорошо изложена библейская археологія—пространнѣе у Benzinger'a (о клятвѣ у евреевъ, рыбахъ, чужестранцахъ, фруктовыхъ деревьяхъ, деньгахъ, судѣ и правѣ, волосахъ, торговлѣ и ремеслахъ: V, 242—244. VI, 79—80. 262—265. 300—306. 477—482. 572—585. VII, 276—278. 389—393. 393—400), съ компактною сжатостію у Ryssel'я (о начаткахъ и жертвахъ отъ нихъ: V, 482—484) и F. Buhl'я (объ обѣтахъ и богослужебныхъ временахъ: VI, 485—488. VII, 19—24). Надъ обзорнѣмъ ветхозавѣтной письменности потрудились „въ духѣ кротости“ F. Buhl (введение въ В. З. и еврейскій языкъ: V, 254—261. VII, 506—514), v. Orelli (Езекииль: V, 704—713), Volck (Аввакумъ: VII, 278—280) и R. Kittel (Аггей: VII, 339—340), при чемъ „библейской герменевтикѣ“, вообще, посвящена чуть не цѣлая диссертація проф. G. Heinrichi (VII, 718—750). Библейская географія описана компетентнымъ перомъ недавно скончавшагося знатока Guthe (Галилея, Геваль, святой гробъ, Ермонъ: VI, 336—344. 385—386. VII, 44—54. 758—760), хотя эта сторона разсматривается весьма недостаточно, а для новозавѣтной эпохи и совершенно скудно, потому что здѣсь все исчерпывается рефератомъ проф. Joh. Weiss'a (сына берлинскаго проф. Bernh. Weiss'a) о „Греціи въ апостольскій вѣкъ“ (VII, 160—168). Для позднѣйшей еврейской исторіи и богословія привлекается авторитетный проф. G. H. Dalman (Гамалиилъ, геенна, синагогальное богослуженіе, адъ: VI, 363—364. 418—422. VII, 7—19. 295—299), но имѣемъ еще дѣльные сообщенія—отъ Fr. Sieffert'a объ Иродѣ, иродіанахъ, Иродіадѣ (VII, 760—769), отъ F. Buhl'я объ эллинистахъ (VII, 623—627) и отъ A. Deissmann'a объ эллинистическомъ греческомъ языкѣ (VII, 627—639). Послѣдняя обширная статья, гдѣ авторъ слишкомъ выдвигаетъ свое личное воззрѣніе, уже извѣстное читателямъ журнала по его рѣчи на эту тему (см. „Христ. Чтеніе“ 1898 г., № 9, стр. 365—400), служить переходомъ къ новозавѣтной письменности, для которой цѣнные отчеты даны проф. Th. Zahn'омъ по „введенію въ Н. З.“ (V, 261—274), о „евангельской гармоніи“ (V, 653—661) и о „посланиі къ Евреямъ“ (VII, 492—506), какъ и экскурсъ G. Heinrichi о „притчахъ Господа“ (VII, 688—703), частію и E. Sremer'a о „духовныхъ дарованіяхъ“ (VI, 460—463). Догматическіе вопросы—съ библейско-богословской, исторической и систематической стороны—разсмотрѣны M. Kähler'омъ (библейское христологическое ученіе и эсхатологія: IV, 4—16. V, 490—495), Loofs'омъ (церковная христологія: IV, 16—56), F. Frank—R. Seeberg'омъ (Communicatio idiomatum: IV, 254—261), J. Weiss'омъ (о дѣмонахъ и демоническомъ: IV, 407—410. 410—419), больше O. Kirn'омъ (объ икоупле-

ніи, вѣрѣ и благодати: V, 460—469. VI, 674—682. 717—723) и особенно много Е. Стремеломъ (объ образѣ Божиємъ, Ангелахъ, Духѣ Св. и духѣ человѣческомъ, оправданіи человека и сердцѣ: V, 113—118. 364—372. VI, 444—450. 450—457. 546—553. VII, 773—777); всѣ эти статьи не отличаются выдающимся достоинствомъ, но за то проникнуты деликатною осторожностію, хотя иногда можно бы пожелать болѣшей отчетливости въ отгвненіи данныхъ и формулировкѣ мыслей. Тоже относится и къ древней церковной исторіи, гдѣ N. Müller (объ образахъ Христа: IV, 63—82), E. Preuschen (св. Златоустъ и Евсевій кесарійскій: IV, 101—111. V, 605—618), G. Ullhorn (Климентъ римскій: IV, 163—171), L. Leimbach (Киприанъ кареагенскій: IV, 367—375), Förster (Кириллъ іерусалимскій: IV, 381—384), Semisch—A. Harnack (Діодоръ тарсійскій: IV, 672—675), G. Krüger (Кириллъ александрійскій, „споръ о грѣхъ главахъ“: IV, 377—381. V, 21—23), v. Dobschütz (Евевалій: V, 631—633), N. Bonwetsch (Донатизмъ, Епифаній, Григорій Чудотворецъ: IV, 788—799. V, 417—421. VII, 155—159), Loofs (Григорій Богословъ и Григорій нисскій: VII, 138—146. 149—153) хорошо знакомятъ съ фактическимъ состояніемъ предмета, не давая чего-либо оригинальнаго.

Впрочемъ, все это вполне соответствуетъ задачамъ энциклопедическаго компендіума, и въ этомъ отношеніи разсматриваемый трудъ является и пригоднымъ и полезнымъ, хотя науки, конечно, не замѣняетъ и требуетъ осмотрительной критики. Къ достоинствамъ Энциклопедіи принадлежатъ и то, что она выходитъ въ свѣтъ съ астрономическою регулярностію—по два тома въ годъ (по цѣнѣ 10 марокъ=5 р. или 12 марокъ=6 руб. за томъ съ переплетомъ и безъ него). Къ сожалѣнію, остается и прежній недостатокъ обилія опечатокъ, которыя проникаютъ даже въ указатели (напр., въ VI, 805 *B Scholarin(u)s*), нуждающіеся въ болѣшей точности (на стрн. VI, 803 *B* при „Fragmente“ обязательно прибавить „Wolfenbüttelsche“); списки ихъ идутъ непрерывною чередой и—къ удивленію—въ свою очередь увеличиваютъ всякія errata: на IV, 812 невѣрно проставлены (какъ и въ VI init. для VI, 26) строки для IV, 150 и 528, а VII, S. II (въ началѣ тома), поправляя послѣдній недосмотръ, вноситъ новую погрѣшность (вм. 41 не 24, но, кажется, 44); на V, 799 отмѣтка къ II, 282,²⁴ относится къ I-му тому; corrigendum въ VI, 808 для V, 336,¹¹ не разыскивается. Прискорбнѣе всего то, что всѣ эти прорухи чаще касаются именъ и цифръ, гдѣ ихъ трудно досмотрѣть и легко просмотрѣть. Взываемъ къ нѣмецкой аккуратности!

Н. Г.

Текстуальный комментарий къ свв. Евангеліямъ по матеріаламъ пок. Дж. В. Буржона составилъ Ед. Миллеръ. Часть I, отд. 1: Мѡ. I—XIV гл. Лондонъ 1899 ¹⁾).

Джонъ Вилліамъ Буржонъ, скончавшійся въ 1888 г. деканомъ Чичестерскимъ, принадлежалъ къ числу блестящихъ талантовъ, хотя въ области новозавѣтной текстуальной критики его имя значительно заслоняютъ менѣе даровитые и даже прямо заурядные, но болѣе упорные и систематически-выдержанные работники. Буржонъ обладалъ продуктивно-острымъ умомъ съ чисто творческими способностями и вездѣ былъ господиномъ въ самомъ разнохарактерномъ матеріалѣ; послѣдній не подавлялъ его и всегда подчинялся взятой идеѣ—иногда настолько, что утрачивалъ подлинный свой вѣсъ, потому что авторская мысль легко преодолевала громоздкую тяжесть справочныхъ данныхъ и увлекала за собою вопреки ихъ центростремительности. Отсюда понятно, что и изображеніе Буржона, не смотря на обиліе фактическихъ элементовъ построенія, всюду было индивидуально-цѣлостное, художественно-живое и захватывающее, а стиль его былъ прямо неподражаемъ и непередаваемъ: это ослѣпительный каскадъ всякихъ эффектовъ съ неуловимыми оттѣнками въ тонахъ и оттѣнкахъ. Изъ англійскихъ богослововъ, пожалуй, никто не имѣлъ такого изысканнаго пера, особенно поразительнаго въ сатирѣ, ироніи и сарказмѣ, почему его полемическіе памфлеты въ журналѣ „The Guardian“ прочитывались обширною публикою съ рѣдкостнымъ интересомъ. При всемъ томъ Буржонъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые любятъ „чужими руками жаръ загребать“. Онъ самъ много потрудился надъ собираніемъ и изслѣдованіемъ текстуальнаго матеріала и не разъ предпринималъ поѣздки—преимущественно—во Францію и Италію, но въ Римѣ добился (въ 1860 г.) лишь мимолежнаго лицезрѣнія ватиканскаго манускрипта всего лишь въ теченіе полуторыхъ часовъ. И пріобрѣтенія Буржона были достаточно богаты и цѣнны. Довольно сказать, что въ третьемъ изданіи Скривенеровскаго „Введенія“ имъ прибавлено къ списку греческихъ курсивовъ цѣлыхъ 374 номера. Но съ неслабымъ рвеніемъ и страстною любовію Буржомъ посвящалъ свои силы патристическимъ свидѣтельствамъ о новозавѣтномъ текстѣ. Его работы по этому предмету еще не опубликованы вполнѣ, однако несомнѣнно, что онъ чрезвычайно обширны. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ исторія его посмертныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ было найдено шестнадцать толстыхъ томовъ, гдѣ (при помощи нѣсколькихъ

¹⁾ A Textual Commentary upon the Holy Gospels largely from the use of materials, and mainly on the text, left by the late *John William Burgon* B. D., Dean of Chichester. Part I. St. Mathews. Division I. I—XIV. By *Edward Miller*. London y George Bell and Sons.

дамъ) были искусно сведены патристическія цитаты. Эти фоліанты куплены бібліотекою (лондонскаго) Британскаго Музея и представляютъ неисчерпаемый кладъ тактуально-патристической премудрости. Объ объемъ этого колоссальнаго свода легко судить потому, что за полную копію съ Ед. Миллера просили 350 фунт. или около 3.500 руб., а сокращенная выборка для однихъ Евангелій обошлась въ тысячу рублей. Но при всѣхъ этихъ богатыхъ запасахъ Буржонъ далеко не сдѣлалъ того, что справедливо было ожидать отъ его дарованій и эрудиціи,—и одинокій работникъ при жизни доселѣ остается одинокимъ въ наукѣ... Такія исключительныя натуры бываютъ мало пригодны для созданія школы или направленія, потому что для этого имъ нужны либо покорные рабы либо равные таланты, а въ научной рати первые идутъ развѣ на „пушечное мясо“, вторыхъ же всегда немного, и они скорѣе заводятъ свою свиту, чѣмъ поступать въ штабъ главнокомандующаго. При томъ Буржонъ былъ фанатикомъ своей идеи, и для него не было ни середины, ни половины въ нетерпимости къ оппозиціоннымъ мнѣніямъ, которыя онъ поражалъ съ бурною страстностію своего ядовито-язвительнаго пера. Эта недисциплинированность вызывала Буржона на непрерывныя полемическія состязанія,—и, занятый ими, онъ не успѣлъ дать ни готоваго построенія, ни детально развитой системы.

Но по сказанному ясно, что и въ теперешнемъ видѣ наслѣдство Буржона вполне заслуживаетъ научной работы. Эту задачу и взялъ на себя пребендарій Чичестерскій Эдвардъ Миллеръ, зарекомендовавшій себя опытнымъ редакторомъ четвертаго изданія (London 1894) двухтомнаго „Введенія“ Скривенера въ текстуальную критику Новаго Завѣта (см. „Христ. Чтеніе“ 1897 г., № 9, стрн. 391—397), двумя сборниками Буржоновскихъ статей (London 1896): *The Traditional Text of the Holy Gospels vindicated and established* и *The Causes of the Corruption of the Traditional Text of the Holy Gospels* и своимъ краткимъ *A Guide to the Textual Criticism of the New Testament* (London 1886), гдѣ авторъ проводитъ консервативныя взгляды, которые онъ защищалъ въ Оксфордѣ 6-го мая 1897 г. на вызванномъ имъ публичномъ диспутѣ, описанномъ въ его книжкѣ: *The Oxford Debate on the Textual Criticism of the New Testament* (London 1897). Въ разсматриваемомъ трудѣ Миллеръ старается примѣнить Буржоновскія начала къ реконструкціи новозавѣтнаго текста. Послѣдній и занимаетъ всю книгу (въ 118 страницъ), а въ началѣ даны (на VII—XXIV стрн.) лишь краткія свѣдѣнія о принципахъ автора, о классахъ текстуальныхъ свидѣтелей и перечни рукописей, переводовъ и патристическихъ цитатъ. Основная точка зрѣнія Буржона была та, что нужно стремиться къ отысканію традиціоннаго текстуальнаго типа, удостовѣряемаго непрерывнымъ и солидарнымъ

обще-церковнымъ преданіемъ, которое безмѣрно выше отдѣльныхъ текстуальныхъ раритетовъ, хотя бы и самыхъ древнихъ. Это не было прямою апологіей *textus recepti*, но больше благопріятствовало ему и рѣшительно шло въ разрѣзъ со всѣми новѣйшими и авторитетнѣйшими текстуальными построеніями. Прилагая этотъ масштабъ, Миллеръ производитъ тщательный пересмотръ совокупности всѣхъ текстуальныхъ данныхъ, пользуясь аппаратомъ восьмого Тишендорфоваго изданія съ дополненіями его позднѣйшими матеріалами, изъ старыхъ же особенно старательно разобраны курсивные манускрипты и патристическія указанія. Воѣ усилія сосредоточиваются на систематической классификаціи текстуальныхъ данныхъ (при чемъ обоюдныя отмѣчаются чрезъ §) съ констатированіемъ вытекающаго отсюда результата. Послѣдній же выражается тѣмъ, что пришлось напечатать разрядкой только немногія мѣста *textus recepti*, гдѣ Буржонъ и Миллеръ уклоняются отъ него.

Уже одно это съ наглядностію раскрываетъ, что настоящая работа занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто. Нужно согласиться, что до послѣднихъ дней царемъ въ новозавѣтной текстуальной критикѣ остается Тишендорфъ, которому обязываются текстуальными справками всѣ, даже и тѣ, кто, не двигая перстомъ своимъ, любитъ ворчать на несовершенства и неточности его критическаго багажа. Въ этомъ отношеніи Тишендорфовскій трудъ имѣетъ высокое значеніе. Но при всемъ томъ необходимо отмѣнить, что матеріаль подбирался здѣсь односторонне — въ интересахъ критическаго верховенства унциаловъ. И эта тенденціозность тѣмъ неблагопріятнѣе для объективности, что, —счастливый на цѣнныя находки,—Тишендорфъ не выработалъ устойчиваго критерія и колебался въ рѣшеніяхъ по индивидуальнымъ симпатіямъ то къ ватиканскому кодексу (въ 7-мъ изд.), то къ синайскому (въ 8-мъ изд.). Понятно, что пользованіе Тишендорфовскимъ агрегатомъ требуетъ напряженной осмотрительности и неослабнаго контроля, а параллельныхъ ему пособій другого склада пока не было. Компиляція Миллера представляетъ первую серьезную попытку текстуальной ревизіи—съ бѣльшею раздѣльностью и ясностію въ цитаціи частныхъ данныхъ—и дорогѣ въ качествѣ солиднаго противовѣса Тишендорфу, особенно для повсюдной россійской безпомощности въ выборѣ между разными господами, претендующими на текстуально-критическое владычество.

Цѣна книги 5 шиллинговъ, т. е. около 2 р. 50 коп.

Г.

Штейнбергъ О. Н. Пятикнижіе Моисеево, съ дословнымъ русскимъ переводомъ и съ комментаріями русскимъ и еврейскимъ. Ч. 1 и 2. 1899 г.

Имя г. Штейнберга О. Н., инспектора виленаго еврейскаго учительскаго института, довольно извѣстно среди русскихъ богословскихъ читателей. Имъ были изданы: Еврейско-русскій и Русско-еврейско-нѣмецкій словари, Полный курсъ еврейской грамматики, Практическіе уроки древне-еврейскаго языка, Переводъ книги прор. Исаи на русскій языкъ и друг. Въ минувшемъ 1899 году имъ изданъ новый трудъ: Первые двѣ книги Пятикнижія Моисеева, т. е. Бытіе и Исходъ, въ двухъ текстахъ—еврейско-масоретскомъ и, параллельно съ нимъ,—русскомъ, изъ которыхъ послѣдній представляетъ переводъ этихъ книгъ, сдѣланный г. Штейнбергомъ. Тотъ и другой текстъ внизу снабженъ подстрочнымъ комментариемъ—русскимъ и еврейскимъ. Въ томъ и другомъ комментарий объясняется смыслъ отдѣльныхъ словъ и выраженій книгъ Бытія и Исходъ, а въ еврейскомъ комментарий, кромѣ того, весьма часто дѣлается лексическое и этимогическое объясненіе наиболѣе трудныхъ формъ еврейскаго текста. Въ своемъ переводѣ и комментарий авторъ пользовался сопоставленіемъ еврейскаго текста съ другими переводами, какъ-то: переводомъ LXX, вульгатой, самаританскимъ, таргумомъ Онкелоса, а также объясненіями талмуда, мидрашей и раввинской литературы, изслѣдованіями современныхъ археологовъ и оріенталистовъ. Въ общемъ его переводъ и комментарий, въ особенности комментарий на еврейскомъ языкѣ, заключаютъ въ себѣ весьма много интереснаго. Но вслѣдствіе того, что авторъ ихъ, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, принадлежитъ къ евреямъ-талмудистамъ, въ его трудѣ, особенно при изложеніи мессіанскихъ мѣстъ, встрѣчаются иногда такіе переводы и объясненія, къ которымъ каждый православный читатель долженъ отнестись критически. Такъ извѣстное мѣсто Вт. III, 15 (о сѣмени жены и сѣмени змѣя) у г. Штейнберга переведено: „и вражду положу между тобою и между женою, и между потомствомъ твоимъ и потомствомъ ея: оно будетъ язвить тебѣ голову, а ты будешь язвить ему пята“, и объяснено въ смыслѣ борьбы въ человѣкѣ между стремленіемъ къ злу и добру, между духомъ и плотью, ср. стр. 6—7. Пророческія слова патріарха Іакова о Шило (Примирителѣ), т. е. Вт. XLIX, 10, переведены: „не отойдетъ скипетръ отъ Іуды, и рѣзецъ из-среди потомковъ его, пока не придетъ въ Шило“. А въ подстрочномъ комментарий относительно послѣднихъ словъ замѣчается: „вмѣсто данныхъ этому реченію безчисленныхъ замысловатыхъ толкованій, мы переводимъ его по прямому его смыслу: пока не придетъ народъ въ Шило (Силомъ), гдѣ Іисусъ Навинъ раздѣлилъ обѣтованную землю между

колѣнами. Иуду, бывшаго руководителя семейства Иакова при переходѣ въ Египетъ, видитъ пророческое око отца его также предводителемъ всего народа Израильскаго, до прихода въ Силомъ, средоточіе Палестины, ср. стр. 129—130. Заслуживаетъ также вниманія въ данномъ случаѣ замѣчаніе автора на стр. 12—13, гдѣ по поводу Бт. V, 24 онъ пишетъ: „Зогаръ, Юхасинъ и старые христіанскіе писатели упоминаютъ даже и о „книгѣ Еноха“, которую цитируетъ, какъ пророческую, апостоль Іуда (14)“, хотя, какъ извѣстно, ап. Іуда ничего не говоритъ о книгѣ Еноха, а только о пророчествѣ Еноха. Могутъ возбуждать сомнѣніе, относительно своей точности и правильности, переводъ и комментарий Быт. IV, 26, гдѣ слова: $\text{אִז הָחַל לִקְרֹא בְשֵׁם יְהוָה}$ = (въ рус.-син. „тогда начали призывать имя Господа (Бога))“ переведены: „тогда начато было нареченіе именемъ Господа“, что объясняется въ смыслѣ указанія на начало обоготворенія прославившихся (своими открытіями) людей“, ср. стр. 11. Этихъ людей авторъ разумѣетъ подъ „сынами Божиими“, о которыхъ говоритъ Бт. VI, 2 и которыхъ, по его словамъ, древніе считали какъ бы спадшими (פְּלִיטָה — отъ פָּל падать) съ неба, ср. стр. 13. Въ христіанской экзегетической литературѣ эти свидѣтельства книги Бытія объясняются иначе. То, что пишетъ г. Штейнбергъ по поводу исторіи Мелхиседека, что „имя Цедекъ (правда) прежде было именемъ города (Салима) и царей его (ср. Ис. Н. X, 1) и что Псалмопѣвецъ въ Пс. СХ, 4 (по р.-с. СІХ, 4) называетъ Мелхиседекомъ (царемъ правды) Давида“, не согласно съ пониманіемъ личности Мелхиседека и вѣдственности указаннаго псалма у апостола Павла (Евр. VII гл.).

Безотносительно къ этимъ и подобнымъ мѣстамъ, гдѣ содержаніе книгъ Бытія и Исходъ, для своего надлежащаго пониманія, требуетъ освѣщенія его сквозь призму христіанскаго сознанія, трудъ г. Штейнберга является очень полезнымъ трудомъ въ русской экзегетической литературѣ. Особенно онъ будетъ полезенъ для тѣхъ читателей, которые будутъ въ состояніи читать и понимать не одинъ русскій, а также и еврейскій комментарий, который вообще полнѣе и интереснѣе.

И. Т.

PRO DOMO SUA (По адресу „безыменнаго“ московскаго критика).

Въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, въ обзорѣ духовныхъ журналовъ за текущій годъ, напечатано около шести страницъ по поводу начала моей работы изъ исторіи русской церкви въ царствованіе Петра Великаго, заполненныхъ сплошною ложью и пошлостью. Авторъ предусмотрительно скрылъ свое имя, но такъ какъ обзоръ принадлежитъ постоянному сотруднику „Вѣстника“, то „литературная“ личность автора извѣстна. Обозрѣвая время-отъ-времени духовную журналистику, онъ не ограничивается простою передачею содержанія статей, всегда болѣе или менѣе специальныхъ, но, перепархивая съ предмета на предметъ съ легкостью мотылька, съ апломбомъ истиннаго невѣжды раздастъ авторамъ дипломы на гениальность и неудовлетворительность, сегодня за обзорѣніе внутренней жизни Японіи, завтра за исторію русской церкви, въ совершенствѣ усвоивъ беззастѣнчивые приемы такъ называемой уличной критики, сыплющей эпитетами превозношенія и порицанія съ серьезнымъ видомъ знатока во всякой рѣшительно области, но по побужденіямъ, ничего общаго съ сущностью предмета не имѣющимъ. Самъ обозрѣватель когда-то, помнится, напечаталъ предпраздничную статейку о старинномъ московскомъ благочестіи, представляющую собою вариантъ на тему молитвы фарисея, упомянутаго въ Евангеліи: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, пощусь“ и т. д. Эта кадительная статейка, вѣроятно, понравилась фарисеямъ современнымъ, и авторъ изъ-году-въ-годъ сталъ къ праздникамъ переплѣвать тотъ же мотивъ, дѣлая свои писанія съ теченіемъ времени изъ компилятивныхъ безграмотными. Понятно, что, не нашедши своего пошлаго мотива въ моемъ обзорѣ нестроений русской церковной жизни, вызвавшихъ церковныя реформы въ царствованіе Петра Великаго, онъ, какъ специалистъ по восхваленію стариннаго московскаго благочестія, счелъ для себя позволительнымъ, не стѣсняясь, разными окольными путями подрывать довѣріе къ самой подлинной дѣйствительности. Однако, что же онъ могъ сказать противъ моего обзора? Въ этомъ специальномъ обзорѣ нестроений русской церковной жизни я даже защищаю *достоинство всей вообще* русской церковной жизни противъ неосторожнаго слова одного молодого почтеннаго научнаго работника, обмолвившагося, будто „духовенство и народъ того времени старались превзойти другъ друга не умомъ и добродѣтелями христіанской жизни, а пороками.“ Я указываю, что въ ту пору не было особеннаго какого-либо торжества зла въ русской церковной жизни, и доброе, какъ всегда, было перемѣшано съ дурнымъ, добраго было даже очень много. Господствовали не пороки, а „нестроенія“, „великая въ дѣ-

лажь скудость“, невѣжество, бывшее причиною, что лучшія созидательныя силы христіанскаго русскаго народа не получали въ полной мѣрѣ должнаго направленія. Но видно было для дѣятелей того времени, по особеннымъ условіямъ, преимущественно дурное, бывшее въ жизни и можетъ быть не превосходившее обычной наличности злого въ церковной жизни и въ другія времена. Этимъ настроеніемъ дѣятелей-преобразователей, зорко усматривавшихъ въ церковной жизни всякое зло, и объясняются мною церковныя реформы. И такъ какъ въ то время огромное большинство русскихъ, услаждаясь своимъ благочестіемъ, не видѣло необходимости ни дальнѣйшаго самоусовершенствованія, ни борьбы съ наличнымъ зломъ, котораго не замѣчало или не считало важнымъ, то реформы въ церковной жизни вообще, независимо отъ ихъ вида, и признаются мною необходимыми, какъ средства пробужденія отъ губительнаго самоуслажденія, какъ призывъ къ борьбѣ со зломъ, которая никогда не должна прекращаться въ церкви воинствующей.

Я далекъ отъ мысли предполагать въ моемъ критикѣ личность какого либо серьезнаго убѣжденія: въ его ребяческомъ лепетѣ трудно разыскать опредѣленную мысль. Свое разъясненіе я даю для тѣхъ своихъ читателей, которые, при первомъ впечатлѣніи отъ картины, не вникая въ ея смыслъ, пеняли мнѣ, будто у меня картина русской церковной жизни Петровскаго времени написана черезчуръ сгущенными красками.

А теперь обращусь къ своему критику.

Мой критикъ, повидимому, недоволенъ тѣмъ, что я въ молодыхъ лѣтахъ принялся за исторію церкви. Онъ пишетъ, что надъ этою исторіей „трудились и трудятся—лица—въ большинствѣ уже на склонѣ дней своихъ, послѣ цѣлой жизни (?), проведенной въ ученыхъ подвигахъ“. Смыслъ этой безграмотной фразы составляетъ, вѣроятно, секретъ ея автора, потому что если бы кто и „трудился“ *послѣ жизни*, то объ этомъ автору во всякомъ случаѣ не можетъ быть извѣстно, а если бы ученые начинали „трудиться“ надъ русской церковной исторіей „на склонѣ дней своихъ“, то, конечно, не много бы оставили послѣ себя трудовъ.

Далѣе, предположивъ, „судя по содержанію первыхъ двухъ статей“, что я „цѣлю своею поставилъ выясненіе необходимости Петровскихъ церковныхъ преобразованій и можетъ быть даже (какой ужасъ!) ихъ цѣлесообразность“, мой критикъ спѣшитъ заявить, что это—ненужная работа, такъ какъ „безспорно (!), что новаго изслѣдованія въ этой области можно ожидать лишь о частностяхъ и подробностяхъ“, „основныя же положенія извѣстны, разработаны, установлены и крѣпко стоятъ, не смотря на появляющіяся по временамъ попытки поколебать ихъ“. Что можно сказать противъ такого невѣжественнаго заявленія? Конечно, иной доволенъ бываетъ ма-

лымъ, а другой ищетъ большаго,—каждому дана своя мѣра любознательности. И если мой критикъ будетъ имѣть охоту продолжать чтеніе моихъ статей, онъ самъ увидитъ, что даже о такихъ предметахъ, какъ учрежденіе и устройство Св. Синода, доселѣ не былъ извѣстенъ весь фактическій матеріалъ, не говоря уже о томъ, что многія стороны настоятельно требовали новой обработки и многія ошибки исправленія.

Затѣмъ, выписывая изъ моей исторіи слова: „церковь, располагая изобильными (въ выпискѣ напечатано: „правильными“, отчего получилась бессмыслица, давшая, повидимому, почву для глубокихъ соображеній моего критика) средствами какъ въ отношеніи количества священниковъ, такъ и въ отношеніи матеріальныхъ достатковъ, не проявляла никакихъ соотвѣтственныхъ ей (этимъ) средствамъ осязательныхъ плодовъ: ни просвѣщенія, ни образованія, ни благотворительности“,—мой критикъ безъ какого либо дальнѣйшаго основанія замѣчаетъ: „г. Рункевичъ не признаетъ другихъ средствъ у церкви, кромѣ количества священниковъ и матеріальныхъ достатковъ. Г. Рункевичъ плоды церковные („плодъ же духовный есть“...) ограничиваетъ просвѣщеніемъ, образованіемъ, благотворительностью“. Здѣсь уже начинается фальсификація, не требующая какихъ либо разъясненій, такъ какъ изъ приведенной выписки для каждаго здравомыслящаго ничуть не вытекаетъ, что „г. Рункевичъ не признаетъ иныхъ средствъ“, или „ограничиваетъ“. Затѣмъ, далѣе, еще фальсификація. У меня сказано: „преобразовываемое государство далеко шагало впередъ, а церковная жизнь продолжала стоять на мѣстѣ“, и эта фраза, въ связи съ предшествовавшей рѣчью, имѣетъ совсѣмъ опредѣленный смыслъ. Мой критикъ приписываетъ мнѣ между тѣмъ на основаніи этой фразы, будто я требую, чтобы церковная жизнь „двигалась впередъ и измѣнялась сообразно политическому устройству государства и его преобразованіямъ“.

Послѣ этого выписавъ мою фразу, что причина „скудости“ въ дѣлахъ русской церкви времени Петра Великаго „крылась въ исторически-сложившихся стремленіяхъ нашего духовенства къ увлеченію экономическими сторонами жизни“, мой критикъ даетъ далѣе такой перифразъ: „такую причину послужили экономическія стремленія нашего духовенства, т. е., попросту говоря (какъ мило это: т.е. попросту говоря!) поповская жадность къ деньгамъ“, и, не смущаясь своею нахальною поддѣлкой подъ мою мысль, развязно продолжаетъ: „что у поповъ глаза завидуци, а руки загребуци, что попы дерутъ съ живого и мертваго,—такія рѣчи не новость, но обычно онѣ до сего времени были темою веселой бесѣды подкутившихъ гулякъ“. Любопытно, что специальность „литератора“ рано или поздно, независимо отъ его воли, скажется подъ его перомъ. И я авторитета моего

критика въ темахъ „веселой бесѣды подкутившихъ гулякъ“ оспаривать не буду, предоставляя ему полную мѣру компетентности въ этой области. Но не могу не замѣтить, что эта развязная рѣчь изобличаетъ въ ея авторѣ исключительнаго невѣжду, незнакомаго даже съ учебникомъ, изъ котораго онъ могъ бы узнать, что вопросъ объ обремененіи монастырей и духовенства имѣніями не разъ былъ предметомъ обсуждения и въ литературѣ, и на церковныхъ соборахъ въ допетровской Руси.

Наконецъ, у меня о тѣхъ же „экономическихъ стремленіяхъ“ сказано, что они „первоначально естественно направлены были на созиданіе цѣрквей на новой землѣ и обезпеченіе клира, не имѣвшаго корня въ народѣ; съ теченіемъ времени они развились до такой степени, при которой утрачивалось уже пониманіе истиннаго значенія экономическаго элемента въ церковной жизни, всегда долженствующаго быть только средствомъ, и то не первостепеннымъ, и никогда цѣлью. Между тѣмъ именно экономическія стремленія и сдѣлались цѣлью *долгой вѣковой* дѣятельности нашего духовенства“. Мой критикъ, воображая, что наноситъ, наконецъ, мнѣ рѣшительный ударъ и въ ослѣпленіи еще не одержанною побѣдой не замѣчая ни „первоначально“, ни „съ теченіемъ времени“, ни „*долгой вѣковой*“ спрашиваетъ съ многоточіями и знаками вопросительнымъ и восклицательнымъ: „гдѣ же клиръ имѣлъ свой корень въ допетровское время?“ и продолжаетъ: „не станетъ же г. Рункевичъ утверждать, что наше духовенство имѣло свой собственный корень (въ родѣ травы-самосѣя)“. Да, на этотъ разъ мой критикъ не ошибся: г. Рункевичъ достаточно уважаетъ и свой предметъ, и себя, и свое перо, и своихъ читателей, чтобы допустить себя договориться до травы—самосѣя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, къ стыду своему, долженъ сознаться, что въ этомъ случаѣ критикъ, дѣйствительно, правъ, потому что въ сущности и Адамъ съ Евою жили въ „допетровское“ время, а тогда не было ни духовенства, ни корня (sic).

Я указаль всѣ тезисы какіе съумѣлъ извлечь изъ этого курьезнаго „обзора“ моей исторіи, и отнесся съ тою долею серьезности, которой онъ безусловно не заслуживаетъ. Я знаю, что я пишу въ своей научной работѣ, и знаю, съ кѣмъ имѣю сейчасъ дѣло. Меня лично не удивляетъ, что какойнибудь неучъ высказаль въ печати по поводу моей научной работы нѣсколько глупостей и занялся чеканкой фальшивой литературной монеты подъ моимъ гербомъ. Нѣсколько удивило меня, что „Русскій Вѣстникъ“ принялъ эту фальшивую монету въ свои фонды.

Но я хотѣлъ бы обратить вниманіе современныхъ читателей на тѣ условія, въ которыхъ теперь приходится вести всякую новую работу. Литературная тля, невѣжественная, беззащитная и бездарная, неспособная подняться надъ пошлою условностью, господствующею въ жизни, все болѣе и болѣе проникаетъ въ наши журналы, овладѣваетъ умствен-

нымъ рынкомъ и предписываетъ свои законы. Усвоивъ въ своемъ узкомъ пониманіи шаблонныя формулы, она съ враждебностью встрѣчаетъ не только всякую новую мысль, но и каждую новую фразу, старается вылить предъ глазами читателей цѣлую уйму помоевъ, поселить въ нихъ предубѣжденіе и, вѣроятно, находить себѣ сочувствіе среди господства всевозможной пошлости. И рассматриваемая мною статья, тезисы которой, добросовѣстно извлеченные, въ своемъ чистомъ видѣ оказываются только ничтожными и достойными смѣха, переполнена вѣдь разными недомолвками и намеками сквернаго и подлаго тона. Она идетъ противъ почтенной темы предпринятой мною работы, выставляя ее излишнею, со злобою идетъ противъ тяжелаго труда по первоисточникамъ (архивамъ), иронизируя, что я имѣю претензію рано стать російскимъ историографомъ. Нѣтъ въ работѣ, по счастливому случаю, возможной всегда какой либо обмолвки, тля фальсифицируетъ, поддѣлываетъ, какъ было указано. Не подо что поддѣлать,—тля не задумывается предъ чистою выдумкой. Вотъ примѣръ. Мой кригикъ говоритъ: „г. Рункевичъ осудилъ патріаршее управленіе русскою церковію и само патріаршество призналъ заслуживающимъ уничтоженія безо всякаго снисхожденія“. Ссылки, конечно, никакой. Курьезъ здѣсь заключается въ томъ, что въ моей исторіи одна изъ дальнѣйшихъ главъ посвящена исключительно полемикѣ съ тѣми писателями, которые утверждали, что „патріаршество отжило свой вѣкъ“, „оказалось несостоятельнымъ“ и т. п., причемъ я выясняю, что нестроенія въ русской церковной жизни Петровыхъ временъ не зависѣли отъ патріаршества, какъ формы управленія русскою церковію, и что мотивы, по которымъ отдано было преимущество коллегіальной формѣ управленія русскою церковію, имѣли только временное значеніе. Эта мысль давно уже сложилась у меня въ опредѣленное научное убѣжденіе, а поэтому въ моей исторіи рѣшительно не можетъ быть ни малѣйшаго основанія къ выводу, что я признаю патріаршество „заслуживающимъ уничтоженія безо всякаго снисхожденія“.

С. Рункевичъ.

13 апрѣля 1900.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки